

И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогаль ангелъ разрушенья,
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ.

XIV.

Собралися въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудаль садится
На бѣлогриваго коня,
И поѣздъ тронулся.—Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырыть ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и сель,
Когда болѣзнь его сковала,
И часть раскаянья припелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искушенье,
Построить церковь общалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только выюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть ни радость прошлыхъ дней.

XV.

Уже послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала;
Ужъ воскурился къ небесамъ
Кадиль прощальный инѣмъ;
Замолкъ и за скалой сосѣдней
Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
Рѣдѣвшій откликъ голосовъ
Все ниже, дальше замирали...
А тучи грозно окружали
Тамары хладную постель—
Вдругъ разыгралася метель—
И громче хищнаго шакала
Она завыва въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заматала
Родной скалѣ врученный прахъ.

XVI.

Въ пространствѣ синяго эмира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ

Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносились—какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ...
Онъ былъ могучъ, какъ вихорь шумный,
Блесталъ, какъ молнія струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: «она моя!»

Къ груди хранительной прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже! кто бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ.
Какъ половъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

«Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!»
Посланныкъ неба отвѣчалъ:
«Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой брэнной земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновеніе
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эмира
Соткалъ живыя струны ихъ.
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнья свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!»

И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И прокриалъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

[эпилогъ].

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной.
Еще стоять до сей поры